

Галочкина Татьяна Анатольевна

**АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДЕЭТИМОЛОГИЗИРОВАННЫХ СЛОВ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ *LEIP**

Изучение семантических связей деэтимологизированных слов имеет практическое значение для лексикографии. Цель данной работы состоит в установлении семантических связей ряда деэтимологизированных слов индоевропейского корня *leip с использованием концептуальных метафор. В работе применен как традиционный сравнительно-исторический метод исследования, так и экспериенциальный подход. Предложена модель исследования семантических связей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 62-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Волкова Е. В.** Два перевода одного стихотворения: Марина Цветаева «Маме» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. 1. С. 68-73.
5. **Волкова Е. В.** О проблеме перевода поэзии М. И. Цветаевой на английский язык // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской научной конференции (28-29 апреля 2010 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 164-166.
6. **Мальцева И. Г., Пестова Н. В.** Проблема адекватности перевода метафорического концепта цвета (на материале переводов поэзии Г. Тракля) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2007. № 15 (87). С. 26-29.
7. **Словарь поэтического языка Марины Цветаевой:** в 4-х т. / сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловяникова, О. Г. Ревзина. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. Т. 3. Кн. 2. 640 с.
8. **Цветаева М. И.** Вёрсты = Milestones / пер. на англ., предисл., примеч. и коммент. Р. Кембалла. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. 360 с.

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT “MOSCOW” IN M. TSVETAEVA’S BOOK
OF POEMS “MILEPOSTS” AND ITS TRANSLATION INTO ENGLISH BY R. KEMBALL**

Volkova Elena Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor

Retsya Irina Andreevna

Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

VolkovaEV@gup.ru; iretsya@yandex.ru

The article describes the results of the comparative conceptual analysis of M. Tsvetaeva’s book of poems “Mileposts” and its translation into English by R. Kemball. The ways of the representation of the concept MOSCOW in the original and in the translation are analyzed. The advantages and disadvantages of the translation are revealed and analyzed and the conclusions on the conducted associative questioning of the carriers of the Russian and English linguistic cultures are represented.

Key words and phrases: concept; translation; M. Tsvetaeva; Moscow; “Mileposts”; cognitive linguistics.

УДК 81-139

*Изучение семантических связей деэтимологизированных слов имеет практическое значение для лексикографии. Цель данной работы состоит в установлении семантических связей ряда деэтимологизированных слов индоевропейского корня *leip с использованием концептуальных метафор. В работе применен как традиционный сравнительно-исторический метод исследования, так и экспериенциальный подход. Предложена модель исследования семантических связей.*

Ключевые слова и фразы: этимологическое гнездо; деэтимологизация; концептуальная метафора; семантическое поле; экспериенциальный подход.

Галочкина Татьяна Анатольевна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова

Министерства здравоохранения Российской Федерации

tgalochkina27@gmail.com

**АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДЕЭТИМОЛОГИЗИРОВАННЫХ СЛОВ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ *LEIP**

Характерной чертой этимологического гнезда является то, что оно объединяет и такие слова, которые утратили со временем словообразовательные отношения с другими словами гнезда, хотя и сохранили в своей глубинной структуре определенную семантическую близость с ними. Они приобрели новые значения, отличающиеся от значений производной основы, или выбыли из употребления, то есть произошла их деэтимологизация, обусловленная фонетическими, словообразовательными или семантическими изменениями. Российский лингвист проф. Л. А. Булаховский описывал деэтимологизацию как процесс, при котором «одно слово перестает напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе раньше было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного гнезда, становится в лексической системе языка этимологически более изолированным» [4, с. 345]. Деэтимологизация создает предпосылки для образования новой микросистемы, в которой деэтимологизированное слово становится производной основой для новых производных слов, что еще более ослабляет их семантические связи внутри гнезда.

Данная статья посвящена рассмотрению и описанию неявных семантических связей деэтимологизированных слов с производной основой этимологического гнезда индоевропейского корня *leip.

Чтобы увидеть семантические признаки у деэтимологизированных слов, в ряде случаев необходимо оперировать абстрактными понятиями, сравнивать и отождествлять абстрактное с конкретным. Наше мышление на основе уже имеющихся в языке значений слов способно создавать новые концепты путем переноса некоторого признака одного предмета или явления на другой по принципу аналогии, то есть оно является метафоричным. Это свойство мышления распространяется на все сферы реальной действительности, в том числе и на такие, которые не могут быть восприняты на чувственной ступени познания. Такой экспериенциальный

подход наряду с логическим и объективным знанием учитывает знание обыденное. Он, по мнению профессора Н. Н. Болдырева, «обеспечивает более глубокое и более естественное описание значений слов. <...> Это особенно наглядно проявляется при анализе переносных значений, и особенно метафор...» [2, с. 12].

Как пишет профессор Н. Г. Брагина, «общее смысловое пространство слова формируется (преимущественно) при участии метафор» [3, с. 89].

Метафора, таким образом, является результатом абстрактного мышления, которое выражено в языковой форме.

Учитывая метафоричность человеческого мышления и концептуальность самой метафоры, мы имеем основания говорить, что она может выступать в качестве особого инструмента исследования семантики слов. На значимость метафоры в языке указывают многие лингвисты.

По мнению профессора Е. В. Рахилиной, «метафора сродни аналогии, собственно метафора – это есть принцип аналогии, только действующий в семантике. Поэтому в когнитивной модели языка она занимает не периферийное, а центральное место... с точки зрения когнитивиста практически все значения лексем (даже грамматические) связаны друг с другом цепочкой метафорических переносов» [6, с. 295].

Согласно концепции профессора Калифорнийского университета в Беркли Дж. Лакоффа, «сущность метафоры заключается в понимании и переживании одного вида в терминах другого» [14, р. 5].

Выдающийся российский и польский лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ, объясняя роль метафоры «при забвении этимологической связи слов», писал: «...насколько метафора является средством мнемотехническим, облегчающим при помощи ассоциаций по сходству запоминание слова, настолько же она при забвении этимологической связи слов, которые потеряли значимую связь, приобретает ясность, выразительность, психологическую убедительность, слова становятся более определенными символами...» [1, с. 240].

Ключевым признаком концептуальной метафоры является наличие концептуальных отношений между рассматриваемыми объектами. Это означает, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты» [11, с. 52].

Таким образом, выявление неявных семантических связей деэтимологизированных слов осуществляется на основе сформировавшихся в сознании человека концептов, выраженных в метафорах.

В связи с различием семантических признаков слов, входящих в гнездо индоевропейского корня **leip*, его можно разделить на три семантических поля под условными обозначениями «ФОРМА», «ЛЕПКА» и «ЖЕЛАНИЕ».

В каждом из этих полей семантические связи выявляются с помощью определенного концепта, соответствующего основному понятию слов, входящих в это поле.

В поле под условным обозначением «ФОРМА» войдут все слова, относящиеся к понятию лепешки и семантически производные от этого понятия слова.

Так, рус. диал. *лепѣш* 'толстяк' [7, с. 363], блр. (белорусский) *лытэха* 'некрасивая девушка с очень широким лицом и носом' [5, с. 45], рус. диал. *лѣпа* 'толстая неповоротливая женщина' [7, с. 358], рус. диал. *лепѣха* 'толстая женщина' [Там же, с. 363], *лепешатся* 'угощаться лепешками, есть лепешки' [Там же] и т.д. непосредственно не передают идею лепки, но явно отражают идею формы (ассоциация по аналогии – то, что по форме похоже на пышную лепешку). Все эти слова соответствуют понятию «круглый, пышный». Следовательно, семантические связи между ними можно определить с помощью концепта, который выступает в качестве метафоры «ПЫШНАЯ ФОРМА», определяющей концептуальные отношения: КРУГЛАЯ ПЫШНАЯ ЛЕПЕШКА → ПОЛНАЯ ЖЕНЩИНА / ПОЛНЫЙ МУЖЧИНА.

Вызывает интерес ряд слов, значения которых представляют собой часть от целого. При этом образование этих частей ассоциируется с присутствием звука: ст. рус. *лепесть* 'лоскут' [8, с. 207] – рвется, *лѣпесту* 'ленты' [7, с. 358] – режутся, *леп* 'перхоть' [Там же, с. 361] – отшелушивается, *лептугъ* 'багряница' [8, с. 210; 10, с. 17] – кроится и шьется и т.д.

Особенность этих слов состоит в том, что их относят к этимологическому гнезду индоевропейского корня **leip*, от которого сформировалось гнездо с разветвленной семантикой, включающей значение «обдирать» [12, с. 117; 15, р. 678]. Но значение «обдирать», ассоциирующееся с присутствием звука, могло возникнуть под влиянием значения «лепить», относящегося к индоевропейскому корню **leip*. Доказательством этой гипотезы являются примеры из славянских языков: «значения 'бросать; шлепать, ударять' могут быть производными от 'лепить'. Надежным основанием для реконструкции праславянского **lepiti* являются формы лужицких языков в.-луж. *lepici* 'схватить', н.-луж. *lepiś* 'схватывать, схватить с хитростью'. <...> Формы из других славянских языков присоединяются к ним на базе близости значений» [12, с. 130]. Еще одним подтверждением этой идеи служит пример из украинского языка: «...в семантике наиболее надежных в фонетическом отношении форм отражается сближение с гнездом **lepiti*, **lepati*: см. укр. *льопати* 'мазать'» [Там же, с. 116].

Льопати, -паю, -еш, гл. Ляпать, мазать.

Льопи, -пів, м. 1) Пятна от разлитой цветной жидкости. 2) Мазня (о картинѣ) [9, с. 385].

Таким образом, семантическая связь слов со значением «обдирать» индоевропейского корня **leip* проявляется через метафору «ЗВУКОВОЙ ЭФФЕКТ». Однако значение «обдирать», как было отмечено выше, могло произойти под влиянием значения «лепить». Следовательно, слова с такой семантикой можно отнести к этимологическому гнезду индоевропейского корня **leip* и включить их в семантическое поле под условным обозначением «ЛЕПКА». Эту особенность необходимо учитывать при определении их лексических значений.

Кроме того, следует обращать внимание еще на одну особенность слов *лѣпесту* 'ленты', *лептугъ* 'багряница', *лепетья* 'завязки от женской заколки' [7, с. 362] и т.д. Поскольку они являются украшением, то их

семантика близка словам со значением красоты индоевропейского корня **leip*: лѣпота/лѣпость 'красота', великолепный и т.д., следовательно, они могут быть включены в семантическое поле «ЖЕЛАНИЕ», в котором семантическая связь выявляется с помощью метафоры «КРАСОТА – ЖЕЛАНИЕ». Профессор К. Сартвелл прямо указывает, что «красота есть объект страстного желания» [16, р. 3]. Он пишет, что «когда мы думаем о красоте как о том, что вызывает желание, мы приходим к такому парадоксу – красота соответствует желанию, но она же одновременно сама является объектом желания. Человек не просто хочет быть удовлетворенным, но он имеет потребность в желании. Бальдассаре Кастильоне утверждал, что рассматривание картин, на которых изображены красивые женщины, порождает желание к реальным женщинам» [13, р. 18]. В своем трактате о придворном Кастильоне пишет: «Вся любовь – это желание красоты. Божественная любовь есть разумное желание Идеальной Красоты» [Ibidem, р. 73].

Таким образом, определение неявных семантических связей дестимологизированных слов можно представить в виде следующей модели, показанной на Рис. 1.

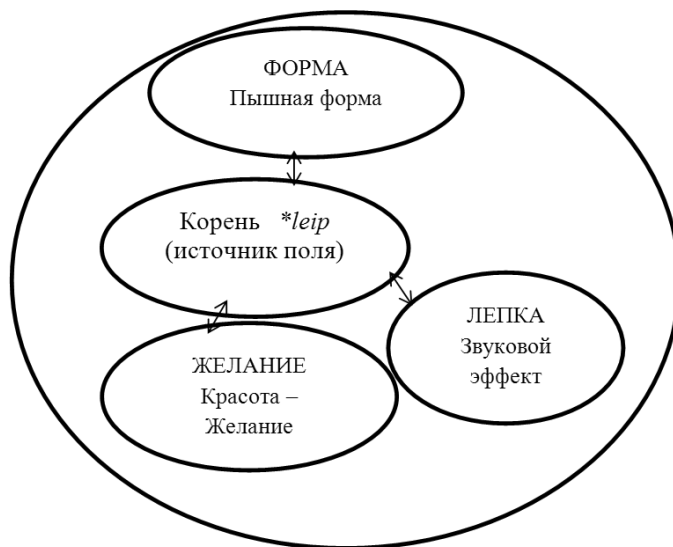

Рис. 1. Модель определения неявных семантических связей с помощью концептуальной метафоры

Модель состоит из источника семантических полей, трех полей и трех концептуальных метафор. Индоевропейский корень **leip* является источником семантических полей, в которых происходит семантическое развитие слов. Неявные семантические связи дестимологизированных слов с индоевропейским корнем **leip* выявляются через концептуальные метафоры. Связь источника поля с полями и обратная связь полей с источником представляют собой концептуальные связи, которые обеспечивают установление семантических связей между словами и смысловую устойчивость представленной модели.

Выводы

Исследование неявных семантических связей ряда дестимологизированных слов индоевропейского корня **leip* показало, что для их установления необходим особый инструмент.

В качестве инструмента исследования были использованы метафоры, образованные на основе концептуальных отношений между полями и их источником. С помощью них были установлены смысловые связи между рассматриваемыми словами и корнем гнезда.

Список источников

1. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 381 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.
3. Брагина Н. Г. Социокультурные конструкты в языке: монография. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: ФЛИНТА, 2013. 387 с.
4. Булаховский Л. А. Дестимологизация в русском языке // Булаховский Л. А. Избранные труды: в 3-х т. Киев: Наукова думка, 1978. Т. 3. С. 340-355.
5. Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1968. 478 с.
6. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика. История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36. С. 274-323.
7. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. 376 с.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. / под ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1981. Вып. 8. 355 с.
9. Словарь української мови: в 4-х т. / упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К.: Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. Т. 2. 573 с.
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1902. Т. 2. Л – П. 1802 с.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. 270 с.

13. **Conte Baldassarre Castiglione.** The Book of the Courtier from the Italian of Count Baldassare Castiglione. London: D. Nutt, 1900. 377 p.
14. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live By. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
15. **Pokorny J.** Indigermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern – München: Francke Verlag, 1959. Bd. II. 770 p.
16. **Sartwell C.** Six Names of Beauty. N. Y.: Routledge, 2013. 184 p.

**ON SEMANTIC RELATIONS OF DE-ETYMOLOGIZED WORDS
OF ETYMOLOGICAL CLUSTER OF INDO-EUROPEAN ROOT *LEIP**

Galochkina Tat'yana Anatol'evna

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University

tgalochkina27@gmail.com

Studying semantic relations of de-etymologized words is of practical importance for lexicography. The study aims to establish semantic relations of certain de-etymologized words of Indo-European root *leip using conceptual metaphors. The paper applies both traditional comparative-historical research method and experiential approach. The author introduces the model to study semantic relations.

Key words and phrases: etymological cluster; de-etymologization; conceptual metaphor; semantic field; experiential approach.

УДК 81-26

The article deals with the problem of the representation of the gender in translation of literary texts. The representation of the gender peculiarities which are the basis of the literary structure of the novel is studied based on the example of V. Woolf's novel «Orlando». The analysis of the original and its translation made at the lexical level has shown that the shift of gender stereotypes plays an important role in the creation of a literary image and the gender aspect was adequately reproduced in the Russian language.

Key words and phrases: gender; literary translation; gender marking of language; gender stereotypes.

Denisova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology

Chelyabinsk State University

irina_7j@inbox.ru

**THE REPRESENTATION OF GENDER IN TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN
(BASED ON THE EXAMPLE OF V. WOOLF'S NOVEL "ORLANDO")**

The gender aspect was not properly analyzed in the theory of translation. Inattention to the problem of gender in literary translation can lead to serious pragmatic mistakes: it especially concerns the Russian theory of translation when we work with the Russian language and other synthetic languages with strongly marked gender category. This category may have the vital meaning. Consequently, we must take into account the gender category.

The purpose of the research is to make the comparative analysis of V. Woolf's novel "Orlando" and its translation into Russian and to substantiate the fact that translators must take into account the gender aspect while translating literary texts.

The literary work is closely connected with the language system in which it is created. During the process of translation we can speak about the transference of the literary work not only from one language system into another, but the transference from one mental sphere into another where all poetic sources are rather different [2, c. 102]. Consequently, one of the complicated problems is the problem of translatability of one gender-marked mentality into another. In this case the translator must be the intermediary in the dialogue of cultures; he or she must translate the language of one culture with its gender orientation into another language taking into account its masculinity or femininity [5, c. 57].

Translation is a different interpretation of the original, the use of different means of artistic expressiveness, the embodiment of different translation stylistics and the different gender-marked perception of the reality [3, c. 25]. Any original work is perceived as such by the native speakers only if all the requirements are observed including the gender aspect which can have more important meaning than any other stylistic and grammatical aspects.

The most complicated issue is the gender intrigue of the literary work in which there is the multilevel structure of gender relations initiated by the author of the original who creates the images of men and women in accordance with his or her personal conception of masculinity or femininity and social stereotypes accepted by the culture which the author belongs to or maybe in accordance with another culture which the author tries to depict in his or her work transferring the plot into another country. The translator must decipher this gender intrigue and appropriately embody the images created by the author of the original in the target language and at the same time the translator must not destroy the general structural storyline and the gender characteristics of the text [1, c. 70].

The literary works are opposed to all other speech works owing to the fact that their main characteristic is the artistic and aesthetic function. The primary purpose of each work of this type is to achieve the certain aesthetic impact and to create the artistic image.